

АРТИСТ В РОССИИ—

Труд. -
1994. - 4 экз. - с. 7.
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ АРТИСТ

Но на пользу ли это ему и самой России?

Помнится, в один из недавних приездов к нам Мстислав Ростропович, как всегда, был атакован репортажами. Однако, почти не имея времени для общения с прессой, сделал исключение лишь для представительницы газеты «Красная звезда». Прервав неожиданно для многочисленных знакомых и коллег общение с ними, он присел в сторонке, сосредоточился и собственноручно записал в блокнот журналистки несколько строк. Вот они:

«Дорогие друзья! Вы — люди, составляющие нашу армию, как и все мы, сегодня переживаем судьбоносный период нашего становления. Становления Нового Государства. Мы все чтим Вас и Ваши подвиги во всей истории нашей Родины, и я уверен, что в наше время армия будет играть роль нашей опоры, гарантии свободы и счастья в нашем будущем».

Казалось бы, любой орган печати, которому удалось заполучить эксклюзивное высказывание столь знаменитого человека, сделает все, чтобы немедленно его опубликовать. Тем более вряд ли можно усмотреть что-то предосудительное, тенденциозное в приведенных словах, проникнутых любовью и уважением к нашей армии, сознанием ее исторической миссии в жизни общества.

Тем не менее газета не поместила это доброе, трогательно-искреннее в своей неприглаженной импровизационности обращение музыканта. Что ж, ее право — право самостоятельно определять свое содержание. Право, за которое долгие годы боролись демократы (в том числе и Ростропович). Не намерен здесь обсуждать, почему было принято именно такое решение, почему в данной ситуации для данной газеты Ростропович оказался неудобен. Напомню лишь: шли тревожные предоктябрьские дни, и слова маэстро пали бы отнюдь не на нейтральную политическую почву.

Эпизод этот заинтересовал меня не столько сам по себе, сколько как индикатор состояния всего нашего общества, а точнее — как свидетельство его крайней политизации. В самом деле, события развиваются так, что независимо от того, будет ли Ростропович играть на виолончели (здесь, по моему, плюрализма в оценках быть не может, остается только восклицать «Браво!») или дирижировать (с этим несколько сложнее, мнения расходятся); придет ли с Вашингтонским оркестром (не самым выдающимся в США) или Бостонским, Филадельфийским (лучше и не воображайте); выведет ли на сцену пресного Игната Солженицына или же выступит с гениальным Женей Кисиним — истинную музыку массовая публика, скорее всего, не расслышит. Все будет воспринято сквозь призму политического имиджа маэстро. Отношение к Ростроповичу становится чем-то вроде лакмусовой бумажки, на которой проверяются политические ориентации прессы, общественных институтов, отдельных людей...

Увы, наше отношение к деятелям искусства — от Вагнера и Дали до Леже и Стравинского — никогда не было свободно от идеологических установок. Однако если раньше мы любили или осуждали в единодушии, то теперь — по партийным спискам. Споры нет, плох был унисонный хор. Но, согласитесь, мало радости и от нынешнего многоголосья, которому не добавляет гармонии участие выдающихся музыкантов, писателей, режиссеров...

Кое-кто, правда, склонен видеть в сложившейся ситуации вину исключительно этих самых писателей, режиссеров, музыкантов: нечего, дескать, лезть в политику. Сказать по совести, и я бы не взял на себя смелость утверждать, что эти обвинения во всех случаях беспочвенны. Однако сейчас меня волнует другое. Обрушивая критические стрелы на «великих», достаточно ли мы честны, не преследуем ли при этом тайную цель — переложить на обладателей громких имен свои собственные грехи, приписать им то, что на самом деле более свойственно нам самим: обывательскую прямолинейность суждений, маниакальную запрограм-

мированность поступков?

Попытаюсь доказать, что по крайней мере в случае с Ростроповичем дело обстоит именно так. Мстислав Леопольдович в беседе как-то признался мне, что он с пониманием и уважением воспринял статью известного петербургского музыковеда Леонида Шапкеля «Музыканты, подальше от властей», опубликованную несколько месяцев назад в «Известиях». Немногим избранным удастся сохранить верность этому мудрому принципу. Ростропович — безусловно из их числа. Про него можно сказать с уверенностью: при всей политической, общественной активности он не служит конкретно никому, не выполняет ничьих персональных, тем более социальных, заказов.

Да, Ростропович нередко предлагает состоятельным людям и организациям поддержать проект, идею. Может обратиться к другу-миллионеру, у которого свой самолет: «Отвези в Берлин, я должен сыграть в разрушенной стене». То его право как частного лица. Но заметили ли вы: у политических деятелей покровительства не ищет, у президентов и мэров денег не просит. Когда правительство прикрыло валютный счет акционерного общества ГОСКО (бывшего Госконцерта), где он один из учредителей, посчитал неудобным обращаться в газеты, хоть и совершалось явное беззаконие. Узнав, что московское начальство по первому заходу отказало ему в предоставлении Красной площади для сентябрьского концерта (а на ней к тому моменту за несколько последних лет уже навиступалось немало случайного народа), он, конечно, расстроился, переживал, но не стал звонить «по инстанциям», вопрос улаживали, как могли, шеф того же ГОСКО Владимир Панченко да вечный конфидент Мстислава Леопольдовича из этой фирмы Алла Банк — она и, вправду, всегда найдет выход из положения.

Уж если подводить счет, кто влиятельнее и кто кому более обязан — Ростропович Ельцину или Ельцин Ростроповичу, — думаю, в преимущественном положении окажется, скорее, именно музыкант. Сколь много значила его моральная поддержка для дела демократии нынешней осенью! Максимум же того, что смог сделать для маэстро президент России, — это посетить концерт Национального симфонического оркестра США на Красной площади под руководством русского дирижера.

Итак, ясно: в нынешней России художник активно участвует в политической жизни чаще всего себе в убыток. Что, впрочем, вовсе не обязательно влечет за собой убыток для искусства, для творчества, для публики. И даже наоборот, идет им на пользу. Ибо другая возможность — неангажированность, эскапизм, позиция «мое дело сторона», «чужа на оба ваших дома» и т. п. — все более очевидно сопровождается творческим застоєм, бегством не столько в башню из слоновой кости, сколько в запой и обскурантизм. Если не чем-нибудь похуже — за примерами далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить хотя бы политические события последних дней, когда под шумок элитарных бесед «о том — о сем», уютных, но невнятных «междусобойчиков», в обилии транслируемых телевидением (таким ли должно было быть участие интеллигенции в столь ответственной предвыборной кампании?), симпатии толпы дико качнулись в сторону откровенных демагогов, неприкрытых фашистов. Где были в эти дни народные любимцы — деятели культуры, чье слово на Руси традиционно много значило? Увы, они хранили по большей части снобистское молчание, плоть которого теперь пожинать и им, и всему многострапальному, в очередной раз обманутому российскому народу.

Нет, не обойтись Родине без таких, как Ростропович. Как, впрочем, и ему не обойтись без нее. Армия-то у нас, возможно, и будет вне политики. Художник же в России — воля ли.

Леонид ГОЛЬДИН,
профессор.